

Тирания часов

Джордж Вудкок

1944

Существующее общество Запада ни в одной характеристике не отличается от ранних обществ так резко, как в своей концепции времени. Древнему китайцу или греку, современному арабскому пастуху или мексиканскому крестьянину время представлялось в цикличном процессе природы, смене дня и ночи, переходе от сезона к сезону. Кочевники и крестьяне измеряли и всё ещё измеряют свой день от восхода до заката, а свой год в определениях посева и жатвы, опадающих листьев и тающего льда на озёрах и реках. Фермер работал в согласии с элементами (природы), ремесленник – пока чувствовал, что ещё необходимо улучшить продукт. Время усматривалось в процессе естественных перемен и люди не намеревались измерять его точно. Поэтому высокоразвитые в других аспектах цивилизации имели особенно примитивные средства для измерения времени: стеклянная ёмкость с сыплющимся песком или каплющей водой, солнечные часы, бесполезные в пасмурный день, и свеча или лампа, чьи несгоревшие остатки масла или воска показывали часы. Все эти приспособления были приблизительными и неточными и были часто ненадёжными из-за погоды или личной лености смотрящего. Нигде в древнем или средневековом мире, кроме крошечного меньшинства, никто не занимался измерением времени в терминах математической точности.

Современный западный человек живёт в мире, который несётся, соответствуя механическим и математическим символам часового времени (clock time). Часы диктуют ему его движения и предотвращают его действия. Часы превращают время из процесса природы в вещь, которую можно продать или купить, как мыло или изюм. И поэтому, без средств для точного измерения времени индустриальный капитализм никогда не мог бы развиваться и продолжать эксплуатировать рабочих; часы воплощают собой элемент механической тирании в жизни современных людей более явно, чем любой личный эксплуататор или любая другая машина. Ценно отследить исторический процесс, в котором часы оказывали влияние на развитие современной европейской цивилизации.

Это периодическое явление в истории, когда культура или цивилизация развивает приспособление, которое позднее будет использовано для её разрушения. Древние китайцы, к примеру, изобрели порох, который был развит военными специалистами Запада и, возможно, сыграл роль в разрушении самой китайской цивилизации

взрывчатыми веществами современной войны. Подобным образом, великим достижением изобретательности ремесленников средневековых городов Европы были механические часы, которые своим революционным изменением концепции времени способствовали росту эксплуататорского капитализма и разрушению средневековой культуры.

В традиции часы появляются в одиннадцатом веке, как приспособление для звона колоколов через равномерные промежутки в монастырях, которые, со своей регламентированной жизнью, к которой принуждались их жители, были самым близким средневековым социальным подобием фабрики наших дней. В любом случае, как таковые, первые часы появились в тринадцатом веке и ещё до четырнадцатого века они стали распространённым украшением на стенах городских зданий в Германии. Ранние часы, движимые грузами, не были особенно точными, и к шестнадцатому веку, была достигнута сколько-нибудь значащая их надёжность. В Англии, к примеру, о часах на Хэмптонском суде, сделанных в 1540 году, говорят, что это были первые точные часы в стране. И даже аккуратность часов шестнадцатого века была относительной, т.к. они были оснащены только часовыми стрелками. Идея, измерять время в минутах и секундах, была высказана математиками давно, еще в четырнадцатом столетии, но лишь с изобретением маятника в 1657 г. была достигнута достаточная точность, чтобы добавить минутную стрелку, а секундная не появлялась до восемнадцатого века. Эти два столетия, это следует подметить, были столетиями, в которые капитализм разросся до такого размера, что смог воспользоваться преимуществами индустриальной революции в технике, чтобы утвердить своё преобладание над обществом.

Часы, как выразился Льюис Мамфорд, представляют собой ключевую машину машинной эры, как из-за их влияния на технологию, так и из-за влияния на привычки человека. С технической стороны, часы в действительности были первой полностью автоматической машиной, которая приобрела значимость в жизни человека. До и их изобретения природа всех машин была такова, что их действие зависело от внешней и ненадёжной силы, такой как мышечной силы человека или животного, воды или ветра. Это правда, что древние греки изобрели ряд примитивных автоматических машин, но они использовались, как паровая машина Геродота, для достижения «сверхъестественных» эффектов в храмах или развлечения тиранов в левантинских городах. Но часы были первой автоматической машиной, которая приобрела общественное значение и социальную функцию. Производство часов стало промышленностью, от которой люди научились элементам сборки машин и приобрели технические навыки, с которыми можно было строить сложную машинерию индустриальной революции.

В социальном плане часы оказывали более радикальное влияние, чем любая другая машина, поскольку были средством, которым наилучшим способом могли быть достигнуты регламентация и регуляция жизни, необходимые для эксплуататорской индустриальной системы. Часы распространили средства, которыми время, категория настолько трудно измеримая, что ни одна философия не смогла определить его природы, могло быть измерено конкретно в более удобных понятиях пространства, предоставляемых окружностью циферблата часов. Время как длительность стало игнорироваться, и люди стали говорить о времени как об «отрезках времени», как

если бы они говорили о длине ткани. Время, измеряемое теперь в математических символах, рассматривалось, как вещь, которую можно продать и купить, как любую другую вещь.

В особенности новые капиталисты резко осознали время. Время, символизирующее здесь труд рабочих, рассматривалось ими, как если бы оно было самым главным сырьём для промышленности. «Время – деньги» стало одним из ключевых лозунгов капиталистической идеологии, а следящие за временем стали одним из наиболее значительных типов чиновников, представленных капиталистическим провидением.

На ранних фабриках работодатели заходили так далеко, что манипулировали свои часы или давали фабричный гудок в неверное время, чтобы выманить у своих рабочих ещё немного этой новой ценной субстанции. Позднее такая практика стала менее регулярной, но влияние часов втиснуло человеческие жизни в регулярность, известную до того только в монастырях. Люди действительно становились подобны часам, действуя с повторяющейся регулярностью, не похожей на ритмическую жизнь существ в природе. Они стали, как обозначила это викторианская фраза, «точными, как часы». Только в сельской местности, где естественная жизнь растений, животных и элементов всё ещё руководила жизнью, некоторая часть населения не могла подчиниться смертельному тиканью монотонности.

Сначала неохочие бедняки были принуждаемы к новому отношению ко времени, этой новой регулярности жизни, мастерами, имевшими часы. Фабричный раб реагировал на своё оставшееся время, живя с хаотичной нерегулярностью, характерной для пропитанных джином гетто индустриализма начала девятнадцатого столетия. Люди убегали в безвременный мир запоев или методистского вдохновения. Но постепенно идея регулярности спустилась и в среду рабочих. Религия и мораль девятнадцатого века сыграли свою роль, проповедуя о грехе «потери времени». Появление массового производства часов в 1850-х распространило сознание времени среди тех, кто раньше просто реагировал на стимул «стука в дверь с утра» или фабричного свистка. В церкви и в школе, в офисе и в мастерской пунктуальность считалась величайшей из добродетелей.

Из этой рабской зависимости от механического времени, подло распространившейся во всех классах, выросла деморализующая регламентация жизни, характерная для фабричной работы сегодня. Человек, отказывающийся подчиняться, сталкивается с общественным порицанием и экономическим крахом. Если рабочий опоздает на работу, он может потерять работу или даже, как в настоящее время (в 1944 г. действовали правила военного времени), угодить в тюрьму. Торопливые приёмы пищи, ежеутренняя и ежевечерняя давка в поездах или автобусах, напряжение от работы по временному плану, всё это способствует пищеварительным и нервным расстройствам, разрушает здоровье и сокращает жизнь.

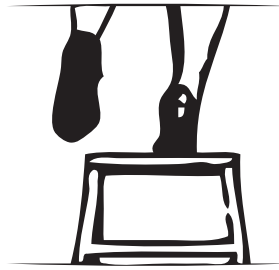
И даже финансовая привлекательность регулярности не ведёт в конечном итоге к большей эффективности. В действительности, качество продукта куда беднее, потому что работодатель, рассматривая время как субстанцию, за которую надо платить, заставляет рабочего поддерживать такую скорость, при которой его работа обязательно будет сэкономлена. Количество, более чем качество, становится критерием, сама работа лишена удовольствия, а рабочий в свою очередь становится

«наблюдателем за часами», думающим только о том, когда же он сможет убежать в убогое и монотонное свободное время индустриального общества, втискиваясь в такие же зависимые от времени и механизированные развлечения кино, радио и газет, насколько это ему позволяют его кошелек и усталость. Только если он хочет принять риск жития по своей вере или своему разуму, человек без денег может избежать жизни раба часов.

Проблема часов в целом сходна с проблемой машины. Механическое время ценно как средство координации действий в высокоорганизованном обществе, точно как машина ценна тем, что сводит необходимый труд до минимума. Оба ценны из-за их вноса в улучшение общественных процессов, и должны использоваться настолько, насколько они помогают людям эффективно скооперироваться и уничтожить монотонный тяжёлый труд и общественную неразбериху. Но им не должно быть разрешено, властвовать над человеческими жизнями, как они делают это сегодня.

Сегодня движение часов задаёт темп человеческой жизни, люди становятся слугами концепции времени, которую они сами создали, и держатся в страхе, как Франкенштейн, своим же монстром. В здоровом и свободном обществе подобное самостоятельное доминирование над человеческими жизнями машиной или часами, очевидно, более не будет проблемой. Господство человеческого творения над человеком ещё более смехотворно, чем господство человека над человеком. Механическое время будет изгнано к своей истинной функции как средства для указания и координации, а человек вернётся к сбалансированному видению жизни, свободному от поклонения часам. Абсолютная свобода подразумевает свободу от тирании абстракций, равно как и свободу от власти человека.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Джордж Вудкок
Тирания часов
1944

Сохранено 17 августа 2018 из <http://livasprava.info/content/view/3388>
The Tyranny of the Clock; Из: War Commetary – For Anarchism, 1944. Перевод с
английского: Ndejra

ru.theanarchistlibrary.org